

УДК 160.1

ПРОБЛЕМА ФРЕГЕ – ГИЧА И АСКРИПТИВНЫЕ ВЫСКАЗЫВАНИЯ*

В.В. Оглезнев

В статье представлено возможное решение проблемы Фреге – Гича с помощью модели аскриптивного юридического языка. Показано, что модификация *modus ponens* и использование аскриптивных высказываний в качестве утверждений и вывода приводят к разрешению этой проблемы. Кроме того, опровергнуты отдельные критические аргументы П. Гича против семантической концепции Г. Харта.

Ключевые слова: проблема Фреге – Гича, аскриптивные высказывания, дескриптивные высказывания, юридический язык, некогнитивизм

Так называемая проблема Фреге – Гича, сформулированная П. Гичем в качестве критического аргумента против прескриптивистской теории Р. Хэйра, оказалась настолько жизнеспособной, что дальнейшее развитие некогнитивизма в этике происходило в контексте ее осмысления, описания и поиска ее решения. Так или иначе, через опровержение аргументов Фреге – Гича возникли такие популярные ныне этические концепции, как нормативный экспрессивизм и нондескриптивизм. Но несмотря на определенную разнородность в характере аргументации и в содержании исследовательских посылов, все моральные некогнитивистские теории объединяет один важный методологический тезис: моральные высказывания не обладают истинностным значением и не могут быть верифицированы как истинные или ложные [1]. Опровержение этого утверждения, равно как и его защита, по сей день остается предметом острых научных дискуссий, далеко выходящих за пределы этики и философии языка. В этом смысле анализ проблемы Фреге – Гича в других контекстах (например, в философии сознания или философии права) не утрачивает своей актуальности, – напротив, он получает новое

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ (проекты 12-33-01380а2, 13-33-01289а2) и Совета по грантам Президента РФ (проект МК-2149.2014.6).

© Оглезнев В.В., 2014

звучание и служит поводом для новой ее интерпретации, пусть даже и стоящей далеко от источника.

Таким образом, частная логико-лингвистическая проблема, поставленная Гичем в отношении конкретной прескриптивистской теории, превратилась в фундаментальную теоретико-методологическую установку современной аналитической философии. Действительно, экспликация проблемы Фреге – Гича получила достаточно широкое распространение в западных этических теориях, однако присутствие этой проблемы в других дискурсах остается без должного внимания. Анализ аргументов Фреге – Гича в терминах юридического языка и аналитической философии права в целом позволяет придать новый импульс развитию отмеченных дискуссий и высветить новые грани, казалось бы, изученного вопроса.

I

П. Гич в статье «Assertion» выдвигает тезис, ставящий под сомнение любую некогнитивистскую теорию: «...Мысль имеет одно и то же содержание вне зависимости от того, принимаем ли мы ее истинность или же нет; суждение может встречаться в дискурсе как в качестве утверждения, так и в другом качестве, но при этом оставаться тем же самым суждением» [2]. Это изречение стало впоследствии классической формулировкой проблемы Фреге – Гича. Причем сам Гич называет эту точку зрения «Frege point» – «точка зрения Фреге, поскольку, по его мнению, Фреге стал первым среди логиков, кто явно ее высказал.

Что именно подразумевает Гич под «Frege point»? В чем близость взглядов его и Фреге? И к каким выводам пришел сам Фреге? Вот то, с чем нам необходимо разобраться, прежде чем попытаться эксплицировать эту проблематику в контексте юридического языка на примере специфического вида высказываний – аскриптивных правовых высказываний.

Рассматривая мысль как содержание предложения, Фреге никогда не ставил перед собой задачи выяснения того, каким образом мысль относится к действительности. Главная проблема, стоящая перед ним, – это проблема логического вывода. Цель Фреге ограничивается лишь таким анализом, который ориентирован на язык осуществления вывода. Он не говорит нам, что есть язык, но говорит о том, что если в языке должны осуществляться выводы и доказательства, а нечто должно признаваться истинным, то использование языка должно отвечать определенной структуре. Эта структура должна быть четко зафиксирована с помощью

определенных выразительных средств, имеющих формальный характер [3]. Отказываясь от принципа логического ударения, Фреге предлагает собственное понимание структуры предложения. Определяющим при этом становится не форма связи понятий, а условия истинности высказывания. С этой точки зрения элементы логической структуры высказывания должны определяться только в зависимости от той роли, которую они играют при установлении его истинностного значения [4].

Таким образом, предметом логического анализа у Фреге становятся только те предложения, в которых нечто сообщается или утверждается. К ним не относятся «возгласы, дающие выход чувствам, стоны, вздохи, смех и т.п., хотя считается, что они должны нечто сообщать» [5]. Вопросительное и утвердительное предложения содержат одну и ту же мысль, но утвердительное предложение содержит нечто еще, а именно, само утверждение. Стало быть, в утвердительном предложении Фреге предлагает различать две вещи – его содержание и утверждение, отмечая при этом, что в утвердительных предложениях то и другое тесно связаны и их отделимость легко не заметить.

Пытаясь доказать, что значением предложений является их истинностное значение, Фреге пришел к выводу, что вопрос об истине возникает только тогда, когда мы переходим от простой констатации мысли к ее утверждению. Поэтому, с его точки зрения, в структуре утвердительного предложения необходимо различать: 1) схватывание мысли – мышление; 2) признание истинности мысли – суждение; 3) демонстрацию этого суждения – утверждение [6]. Несмотря на то, что Фреге настаивает на необходимости различения указанных трех уровней утвердительного предложения, сделать это совсем не просто: они действительно тесно связаны. Так, Фреге отмечает, что в его «терминологии суждение выносятся, когда мысль осознается как истинная. Этот акт осознания называется суждением. Суждение демонстрируется предложением, высказанным с утверждающей силой. Однако можно схватить и выразить мысль, не осознавая ее как истинную, т.е. не вынося суждения» [7]. Кроме того, он указывает, что в утвердительном предложении нет специального компонента, соответствующего утверждению; то, что нечто высказывается, заключено в самой форме такого предложения.

Возможно, именно этот тезис о трехуровневой структуре утвердительного предложения Гич называет «Frege point», поскольку идея выделения *утверждения* в структуре такого предложения в качестве его отдельной части является, на наш взгляд, ключом к пониманию проблемы Фреге – Гича. В самом деле, в естественном языке различие между со-

держанием предложения и его утверждением скрыто самой формой выражения. В структуре повествовательного предложения нет ничего такого, что позволило бы отличить простую констатацию мысли от признания ее истинной. Признание истинности мы выражаем в форме утвердительного предложения. И даже если мы употребляем слово «истинный», собственно утверждающая сила принадлежит не ему, а форме утвердительного предложения; «там же, где оно утрачивает свою утверждающую силу, ее не сможет вернуть слово “истинный”» [8].

Фреге считает, что выделение особой *утвердительной силы* необходимо ввести в формальный язык описания логических структур, в котором все различия должны быть явно артикулированы. Для этого он вводит особый знак: \vdash . «Инкорпорируя этот знак в структуру выражения мысли, – пишет В.А. Суровцев, – Фреге отмечает, что этот знак, выражающий утвердительную силу, никогда не может быть включен в содержание подчиненного предложения, поскольку, согласно Фреге, приписанное перформативу предложение имеет косвенное вхождение в выражение и как таковое имеет смысл и значение, отличные от смысла и значения исходного предложения» [9].

Таким образом, для того чтобы мы могли *утверждать* нечто как истинное, нам требуется особый знак \vdash – знак имени истинностного значения, из чего следует, что признание истинности выражается в *форме* утвердительного предложения. По всей видимости, Фреге (а вместе с ним и В.А. Суровцев) указывает на то, что необходимо различать *простые констатации* и утвердительные предложения, формальным основанием для различения которых является «утвердительная сила»; при этом надо помнить предостережение Фреге, что «даже если перед нами нечто, по форме являющееся утвердительным предложением, все же всегда необходимо спросить, действительно ли оно содержит утверждение» [10].

В качестве примера, иллюстрирующего возможность введения аргумента утвердительной силы, связанной с формой повествовательного (утвердительного) предложения в естественном языке и знаком \vdash в исчислении Фреге, В.А. Суровцев предлагает рассмотреть специальный случай с *modus ponens*, как и вообще с условными предложениями: «... В ‘Если A , то B ; A , следовательно, B ’ заключение уже присутствует в условной посылке. Однако если в это умозаключение ввести знак \vdash , то *petitio principii*, скрытое в форме условно-категорического умозаключения, можно избежать. В ‘ \vdash Если A , то B ; $\vdash A$, следовательно, $\vdash B$ ’ заключение в условной посылке не содержится, поскольку $\vdash B$ не совпадает с B » [11].

Не вдаваясь в подробное освещение логико-философских взглядов Фреге, отметим лишь те ключевые положения, которые для анализа интересующей нас темы имеют важное значение. И именно к этим положениям мы будем апеллировать не только как к инструментам описания проблемы Фреге – Гича, но и как к источнику и теоретическому фундаменту для новой ее интерпретации. «Frege point» основывается на следующих тезисах.

1. В качестве элементов вывода могут использоваться только такие предложения, которые высказаны с *утвердительной силой* (т.е. соответствующая им мысль должна быть признана истинной).

2. В утвердительном предложении нет специального компонента, соответствующего *утверждению*; то, что нечто высказывается, заключено в самой *форме* такого предложения

3. Требуется особый знак для того, чтобы мы могли *утверждать* нечто как истинное. \vdash – знак имени истинностного значения.

4. Признание истинности выражается в *форме* утвердительного предложения.

5. Придаточное предложение может содержать утверждение, но ни главное, ни придаточное предложение сами по себе не выражают полную мысль, а ее выражает лишь сложное предложение.

II

Гич формулирует свой критический аргумент против нонкогнитивизма в этике в статье «Суждение». Однако первые попытки экспликации «Frege point» можно обнаружить в его более ранних работах «Аскриптивизм» [12] и «Императивная и деонтическая логика» [13]. Причем для целей нашего исследования наиболее важна статья «Аскриптивизм». Именно в ней Гич достаточно подробно освещает аргументы Фреге применительно к прескриптивизму (заменяя название этого направления термином «аскриптивизм»), суть которого изложена, согласно его мнению, в статье Г. Харта «Приписывание ответственности и прав» («The Ascription of Responsibility and Rights») [14]. Сам Харт достаточно серьезно воспринял критику Гича в адрес аскриптивной концепции юридического языка. Позднее Харт даже откажется от изложенной в этой статье идеи, посчитав ее ошибочной, и больше никогда к ней не вернется (ни в качестве упоминания, ни с целью цитирования). По этому поводу он даже отметит, что в «Приписывании ответственности и прав» «были некоторые весьма интересные и верные мысли, но, ду-

маю, были и определенные ошибки. Я утверждал, что суждение, что человек совершил действие, является не дескрипцией, а аскрипцией, скажем, в смысле способа утверждения его ответственности. Теперь я так не считаю» [15].

Что Гич подразумевает под *аскриптивизмом*? Почему он смешивает его с *прескриптивизмом*? И почему именно статья Харта оказалась объектом его критики? В статье «Аскриптивизм», хотя и не упоминающей имени Харта, но содержащей указание на «отдельных оксфордских философов», именуемых «аскриптивистами», Гич развивает критическую концепцию, разъясняющую и опровергающую аскриптивизм [16]. Он определяет содержание аскриптивизма следующим образом: «...Аскриптивисты придерживаются мнения, согласно которому сказать, что действие *X* со стороны агента *A* было добровольным, означает не описать действие *X* определенным образом, но *приписать* его *A*, с тем чтобы *A* стал ответственным за совершение *X*... Таким образом, утверждают аскриптивисты, мы не спрашиваем о том, правда ли это или ложь, до той поры, пока ответственность присутствует в человеке, для того чтобы им принимались суждения относительно морали... Было бы абсурдным всерьез говорить об обвинении, освобождении и оправдании, равно как и о похвале и вознаграждении, в отношении сотен наших добровольных или намеренных действий» [17].

В основании аскриптивизма, по мнению Гича, лежат теории, которые и «обеспечивают его идеологическое процветание», – вроде тех, которые оперируют такими высказываниями, как «Сказать, “употреблять алкоголь плохо” значит не описать или охарактеризовать распитие спиртных напитков, но осудить это» [18]. Гич считает подобный ход рассуждения порочным по следующим причинам. Обозначим моральный предикат «плохо» как *P*. В этом высказывании *P* употребляется не как дескрипция, но как особого рода перформатив. Однако различие между тем, что мы *утверждаем* посредством *P*, и тем, что мы с помощью *P* *предсказуем*, зачастую игнорируется. Это различие заключается в том, что с помощью *P* можно предсказывать что-то чему-то в придаточных предложениях условного предложения или же в части разделительного предложения, но при этом не утверждать это посредством *P*. Сказать «Если играть в азартные игры плохо, то и приглашать гостей поиграть в азартные игры тоже плохо» означает утверждать, что и азартные игры, и приглашение в них играть – это «плохо». Теории недескриптивных перформативов, как правило, берут во внимание лишь одно из возможных употреблений *P*, а именно, для утверждения *P*. В то же время предсказывание «плохо»

в придаточных предложениях условного предложения и в части разделительного предложения попусту игнорируется [19].

В самом деле, если мы делаем упор на утверждении, то придется отказаться от *modus ponens*, поскольку он тогда будет содержать логическую ошибку. Например, в рассуждении:

Если в отношении лица судом вынести обвинительный приговор, то он станет осужденным (в этой посылке «вынести обвинительный приговор» *не утверждение*).

В отношении лица судом вынесен обвинительный приговор (в этой посылке «вынесен обвинительный приговор» – *утверждение*).

Ergo, обвиняемый становится осужденным –

содержится двусмысленность утверждения, или логическая ошибка. Но *modus ponens* верен. Поэтому следует обратиться не к утверждению, но к предикации, поскольку предикация имеет место даже там, где утверждения нет. Чтобы употребление предложения, в котором посредством *P* что-то предизируется, могло считаться актом утверждения *P*, оно должно употребляться утвердительно. Это весьма отличается от предикации, поскольку с помощью *P* можно предизировать что-то даже тогда, когда придаточное предложение, в котором это происходит, употребляется неутвердительно [20]. Следовательно, *P*-утверждение должно быть объяснено только в терминах *P*-предикации, но не наоборот.

С точки зрения Гича, если некто со всей серьезностью заявляет: «Если играть в азартные игры – плохо, то и приглашать людей поиграть в азартные игры – тоже плохо», – он тем самым не осуждает ни азартные игры, ни приглашение людей в них поиграть, но предизирует «плохо» к подобного рода действиям. Более того, объяснять употребление таких терминов, как «нарочно», «намеренно» и т.д., через анализ недескриптивных актов приписывания или обвинения – бесполезное занятие, как отмечает Гич [21]. Это вынуждает его отвергнуть аскриптивизм и перейти к утверждению, что предложения формы «Это сделал он» – не *аскрипция* или обвинение, а дескрипция причины действия. Гич – сторонник «естественной точки зрения», заключающейся в том, что приписывать человеку совершение действия – это каузальная дескрипция действия, представляющая собой наиболее распространенный пример каузальных утверждений. Этим самым он хочет показать, что приписывание действий необходимо *осуществлять* через производящую их причину. То есть каузальная связь между описанием и приписыванием выражается в установке, что для совершения действия необхо-

димо соответствующее состояние сознания. Игнорирование этой связи (или интенциональных установок) значительно затрудняет наше объяснение и понимание таких терминов, как «намеренно», «нарочно», «умышленно» и проч.

III

Анализ философского рассуждения Гича, изложенного в его статье «Аскриптивизм», показывает, что он слишком вольно обращается с термином «аскриптивизм», обозначая им всевозможные эмотивистские (нонкогнитивистские) моральные учения и теории недескриптивных перформативов. Гич старается показать, что существуют контексты, в которых привычный эмотивистский анализ значений моральных терминов не работает, а поскольку он исходит из предпосылки, что правильный анализ значений должен приводить к замене во всех контекстах определяемого термина определяющим, отсюда делает вывод о неадекватности эмотивизма как концепции, претендующей на правильное объяснение функционирования моральных терминов [22]. Ибо «аргументы вида ‘если x истинно (если y плохо), то p , но x истинно (y плохо), следовательно, p ’ содержат ошибку двусмысленности, тогда как в действительности ясно, что такие аргументы логически верны» [23].

Гич представляет следующие «аномальные» для эмотивистского анализа контексты вхождения моральных терминов:

Если делать определенную вещь – плохо, то заставлять младшего брата делать ее – плохо.

Мучить кошку – плохо.

Ergo, заставлять младшего брата мучить кошку – плохо.

Основная суть его рассуждения состоит в том, «что термин “плохо” должен значить точно то же самое во всех четырех вхождениях... Но в большей посылке говорящий (допустим, отец), конечно же, не высказывает никакого акта осуждения: с трудом можно понять его как просто осуждающего делание определенной вещи» [24]. Этим аргументом Гич иллюстрирует теоретическую несостоятельность определения значения моральных терминов (на примере слова «плохо») через определенные акты высказывания или утверждения, так как в его представлении смысл слова не конституируется соответствующим высказыванием или утверждением, потому что существуют контексты, в которых термины входят на неутверждаемых позициях (к ним относятся вопросы, отрицания, вы-

ражения надежды или удивления, дизъюнктивные и конъюнктивные конструкции и т.д.).

Подобного рода анализ, по мнению Гича, применим к любому типу недескриптивного дискурса. И результатом этого анализа становится утверждение, которое, по-видимому, и есть формулировка проблемы Фреге – Гича, а именно: если моральные (или любые недескриптивные) суждения используются при осуществлении логического вывода, то они непременно должны быть истинными или ложными, но моральные суждения не являются ни истинными, ни ложными, а следовательно, их нельзя использовать при осуществлении вывода, не нарушая законов логики. Кроме того, отмечает Гич, вхождение морального термина в условную и утвердительную посылки *modus ponens* должно иметь одинаковый смысл и подчиняться стандартным логическим правилам.

Гич определенно заблуждался в том, что аскриптивизм имеет много общего с прескриптивизмом и что аскриптивизм отрицает истинностные значения у высказываний о правах и ответственности. Однако Харт был бы не прав, если бы утверждал, что высказывания формы «Это – мое» или «Это сделал он» не могли бы быть непосредственно истинными или ложными. Но поскольку основная задача таких высказываний заключается в том, чтобы требовать или приписать право либо ответственность, постольку это совершенно не препятствует тому, чтобы отдельные специфические случаи требования или приписывания могли бы быть верифицированы в качестве истинных или ложных. Утверждение «Этот автомобиль – мой» было бы ложным, если бы фактически автомобиль принадлежал кому-то другому, а высказывание «Это сделал он» могло бы быть надлежащим исполнением обязанности говорить суду только правду (в смысле ответственности за дачу ложных показаний).

Харт этого не отрицает. Напротив, он допускает, что требования или обвинения могут быть опровергнуты фактами, на которых они основываются (такие факты он называет «возражением по существу обвинения или достижением согласия в отношении спорного вопроса» [25]), и что они могут иметь непосредственное дескриптивное употребление [26], но обращает наше внимание на более интересные случаи их употребления, когда ситуация не столь определенная, когда возможно зафиксировать перформативный характер употребления аскриптивных юридических терминов и обнаружить противоречие между дескриптивными высказываниями, основная функция которых заключается в описании неких фактов совершения действия, подтверждаемых наблюдениями, и разъясняющими право произнесениями, в отношении которых,

в отличие от дескриптивных предложений, сложно поставить вопрос об их истинности или ложности.

Кроме того, Гич не прав еще и в том, что посчитал аскриптивный подход Харта попыткой объяснить *всевозможные* использования предложений с точки зрения их недескриптивного употребления [27]. Напротив, Харт указывает, что аскриптивные предложения составляют большую часть нашего обыденного языка. Более того, «мы очень часто употребляем правовые понятия в дескриптивных и иных предложениях, и предложения, в которых мы таким образом их используем, могут быть высказываниями, а следовательно, в отличие от решения судьи, в котором правовые понятия используются по преимуществу, могут быть истинными или ложными» [28], и «хотя такие предложения и произносятся в обыденной жизни, в них используется технический словарь права, поэтому мы готовы к возможности того, что они не функционируют как дескриптивные предложения, хотя очень часто они функционируют именно так» [29]. Иными словами, Харт убежден, что ответственность *лишь предполагает* дескриптивное употребление, а если это так, если допустить, что приписывание ответственности недескриптивно, тогда приписывание действий также недескриптивно.

Попробуем развить эту идею Харта, которая играет ключевую роль в нашем решении проблемы Фреге – Гича. Для решения проблемы Фреге – Гича средствами модели аскриптивного юридического языка нам необходимо:

- 1) использовать для экспликации ассергического характера правовых высказываний (как у Фреге) аргумент об «утвердительной силе», который будет соответствовать форме «X сделал...»;
- 2) допустить, что «X сделал...» имеет аскриптивный (недескриптивный) характер, который обусловлен перформативностью самого юридического языка.

Эти допущения не просто соответствуют логике рассуждений самого Харта, но являются имплицитным расширением аргументации, приведенной им в «Приписывании ответственности и прав». Представленные тезисы тесно связаны между собой и логически выводятся один из другого, причем именно второй аргумент играет решающую роль в предлагаемом нами решении.

Харт, пытаясь обосновать перформативность юридического языка, пришел к выводу, что сделать это возможно лишь при «правильной интерпретации» употребления глагола «делать» (to do), ибо его употребление в настоящем и будущем времени дескриптивно, а в прошедшем вре-

мени, как в предложении «Это сделал он», аскриптивно [30]. По мнению Харта, и традиционный, и современный подход к интерпретации понятия «действие» неправильны, потому что они направлены на определение понятия действия через формулирование необходимых и достаточных условий его применения. Например, сказать « X совершил действие A » с точки зрения и традиционного, и современного анализа значит сказать нечто, что может быть выражено категорическими суждениями, описывающими, соответственно, движение тела X и его психическое отношение к содеянному. Харт признал логику этих подходов ложной, поскольку предполагается, что понятие «действие» может быть определено только через дескриптивные высказывания, касающиеся отдельного индивида. Дескриптивные высказывания непригодны для анализа предложений типа «Это сделал он». И поэтому следует считать ошибочным анализ действия, идентифицирующий значение недескриптивного высказывания, приписывающего ответственность, с фактическими обстоятельствами, которые подтверждают приписывание или являются его достаточными причинами. Более того, невозможно провести различие между высказываниями «Его тело столкнулось с другим телом» и «Он его ударил» без ссылки на *недескриптивное* употребление выражений, посредством чего приписывается ответственность. Таким образом, отрицание физического и психологического компонентов действия, позволили Харту утверждать, во-первых, что высказывания типа «Он его ударил» не *описывают*, а *приписывают* права и ответственность, а во-вторых, что невозможно интерпретировать высказывания подобного вида без учета их недескриптивного (и в этом случае – аскриптивного) характера.

Предположим, что высказывание, описывающее действие, представляет собой смешение различных компонентов, одним из которых является описание физического движения. В этом случае будет неправильным интерпретировать «действие» в качестве дескриптивного понятия, определяемого с помощью множества необходимых и достаточных условий, поскольку «подлинными действиями» в конечном счете будут только минимальные движения, которые мы можем осуществить с нашим телом, где ничего «не может» пойти неправильно [31]. Таким образом, основная ошибка состоит в том, что то, что происходит, когда действие выполнено, может быть понято независимо от контекста его совершения и, следовательно, представляет собой лишь физическое движение. Понятие «действие» нуждается в определенном контексте, обусловленном практикой следования правилам с учетом соответствующих

критериев и средств, ибо это важно для понимания различия между телодвижениями и действиями. Без учета этого контекста мы замечаем лишь телодвижения агентов, отождествляя их с действиями. Для того чтобы *понять* концепт «действие», нам необходимо видеть, как употребляются предложения, в которых используются типичные глаголы, обозначающие действие.

Как мы видим, основная идея Харта заключается в том, что ответственность *лишь предполагает* дескриптивное употребление, а потому если допустить, что приписывание ответственности недескриптивно, тогда приписывание действий также недескриптивно. И если учитывать этот аргумент, то вывод из аскриптивных высказываний по правилу *modus ponens* не будет содержать логической ошибки. Обозначим « X сделал...» с помощью \Vdash – специального знака, индицирующего аскриптивные утвердительные высказывания (« X совершает...» соответствует знаку \vdash у Фреге). Тогда согласно тезису о недескриптивности ответственности (и действий) основное употребление правовых высказываний по *modus ponens* можно формально представить в виде вывода из « \Vdash Если A , то B и $\Vdash A$ следует $\Vdash B$ », и тогда *petitio principii*, скрытого в форме условно-категорического умозаключения, можно избежать. При этом необходимо учитывать, что, во-первых, у Харта (и в этом он расходится с Фреге) преддицирование посредством P в придаточных предложениях условного аскриптивного предложения может быть отменено (be defeasible). Следовательно, такое преддицирование всегда дает *отменяемое высказывание*, а не «вневременную» истину. Во-вторых, « \Vdash Если A , то B ; $\Vdash A$, следовательно, $\Vdash B$ » не является дескрипцией « X совершает...», т.е. не описывает его в полной мере, поскольку наряду с чисто дескриптивным компонентом обнаруживается *недескриптивный компонент* [32].

Принимая во внимание аргумент Харта об «утвердительной силе» и то, что в понятии «действие» присутствует недескриптивный компонент, представленный выше ход рассуждения можно объяснить на следующем примере: «Если убийство совершил Джон, то он должен понести ответственность. Джон совершил убийство. Следовательно, он должен понести ответственность». Здесь утверждающей силой будет то, что убийство действительно совершено, а «совершить убийство» будет отменяемым выражением (например, убийство совершил не Джон, а Смит). Как мы уже отмечали, преддицирование посредством P в придаточных предложениях условного аскриптивного предложения может быть отменено. Тогда если условная посылка «Если убийство совершил Джон, то он должен понести ответственность» содержит отменяемый

консеквент, то все условное суждение отменяемо (по аналогии: условное суждение ложно тогда и только тогда, когда из истинного антецедента следует ложный консеквент). Важно иметь в виду, что Харт отчетливо указывает на то, что *отменяется* не само действие (действие имеет место: кто-то кого-то *действительно* убил), но ответственность (в случае непреднамеренного убийства, причинения смерти по неосторожности и т.д.). А поскольку отменяется все умозаключение, следовательно, предложение «Джон совершил убийство» не описывает в полной мере поведение Джона, ибо дескрипция содержит в себе недескриптивный компонент.

Таким образом, утверждающая сила предложения формы «*X* совершил...», учет отменяемого характера аскриптивных правовых высказываний и общий ход рассуждения соответствуют *modus ponens*, в чем сомневался Гич. Мы же получаем новый инструмент для интерпретации недескриптивных высказываний и возможный вариант решения проблемы Фреге – Гича.

Примечания

1. См.: *Schroeder M.* What is the Frege-Geach Problem? // *Philosophy Compass*. – 2008. – V. 3–4. – P. 703.
2. *Geach P.T.* Assertion // *The Philosophical Review*. – 1965. – V. 74, No. 4. – P. 449.
3. См.: *Суровцев В.А.* О логико-философских взглядах Готлоба Фреге // Фреге Г. Логико-философские труды. – Новосибирск: Сиб. унив. изд-во, 2008. – С. 7.
4. Там же. – С. 11.
5. *Фреге Г.* Логико-философские труды. – С. 33.
6. Там же.
7. Там же. – С. 75.
8. Там же. – С. 34.
9. Там же. – С. 107.
10. Там же. – С. 34.
11. *Суровцев В.А.* [Примечания переводчика] // Фреге Г. Логико-философские труды. – С. 113.
12. См.: *Geach P.T.* Ascriptivism // *Philosophical Review*. – 1960. – V. 69, No. 2. – P. 221–225.
13. См.: *Geach P.T.* Imperative and Deontic Logic // *Analysis*. – 1958. – V. 18, No. 3. – P. 49–56.
14. *Hart H.L.A.* The ascription of responsibility and rights // *Essays on Logic and Language*. – 1951. – V. 7. – P. 145–166. См. русский перевод: *Харт Г.Л.А.* Приписывание ответственности и прав // *Правоведение*. – 2010. – № 5. – С. 116–135 (здесь и далее цит. по русскоязычному изданию).
15. Цит. по: *Sugarman D.* Hart Interviewed: H.L.A. Hart in Conversation with David Sugarman // *Journal of Law and Society*. – 2005. – V. 32, No. 2. – P. 276.

16. См.: *Geach P.T.* Ascriptivism. – P. 221.
17. Ibid.
18. Ibid. – P. 223.
19. Ibid.
20. Ibid.
21. Ibid. – P. 224.
22. См.: *Ламберов Л.Д., Тарасов И.П.* В защиту эмотивизма: дефляционизм и моральные высказывания // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер. Филология. – 2010. – № 3 (8). – С. 22–23.
23. *Geach P.T.* Ascriptivism. – P. 223.
24. Ibid. – P. 463–464.
25. *Харт Г.Л.А.* Приписывание ответственности и прав. – С. 121.
26. Там же. – С. 130–131.
27. *Geach P.T.* Ascriptivism. – P. 221.
28. *Харт Г.Л.А.* Приписывание ответственности и прав. – С. 127.
29. Там же. – С. 128.
30. Там же. – С. 130.
31. Там же. – С. 134.
32. Схожее наблюдение для решения проблемы Фреге– Гича можно обнаружить у Л.Д. Ламберова. См.: *Ламберов Л.Д.* Проблема Фреге– Гича (I): о возможности решения в дефляционном ключе // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер. Философия. – 2013. – № 3(11). – С. 5–10.

Дата поступления 13.01.2014

Национальный исследовательский Томский
государственный университет, г. Томск
ogleznev82@mail.ru

***Ogleznev, V.V.* The Frege-Geach problem and ascriptive sentences**

The paper presents a possible solution of the Frege-Geach problem by means of the model of ascriptive legal language. It shows that modification of modus ponens and use of ascriptive sentences as statements and inferences lead to solution of the Frege-Geach problem. Also, it disproves some Peter Geach's critical arguments against Herbert Hart's semantic conception.

Keywords: Frege-Geach problem, ascriptive sentences, descriptive sentences, legal language, non-cognitivism